

Сафронова Татьяна Сергеевна

**ОСОБЕННОСТИ СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ВО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ПРОКУРОРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

В данной статье рассматриваются различные подходы к определению дискурса, его видов и функций, исследуются понятия "речевое воздействие" и "суггестивное воздействие", конкретизируется роль данного вида воздействия в рамках юридического дискурса. Выявляются суггестивные стратегии и тактики, используемые англоязычными прокурорами в ситуации судебного заседания с участием коллегии присяжных на этапе вступительного заявления и способы их реализации. Также предпринята попытка сравнительного анализа использования суггестивных тактик, применяемых на этапе вступительной реплики и заключительной части вступительного слова прокурора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 136-141. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. Рубина Д. Белая голубка Кордовы. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2013. 816 с.
11. Русская грамматика: в 2-х т. / Ин-т русского языка АН СССР; гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1982. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.
12. Улицкая Л. Зеленый шатер: роман: в 2-х т. М.: Эксмо, 2011. Том 1. 384 с.
13. Чокаев К. З. Сопоставительная типология русского и чеченского языков. Грозный: Издательство «Арфа-Пресс», 2011. 192 с.

THE ROLE OF THE CATEGORY OF MOOD IN REALIZATION OF POSSIBILITY/IMPOSSIBILITY MEANINGS IN THE CHECHEN AND RUSSIAN LANGUAGES

Saidova Zarema Elesovna
Chechen State Pedagogical University, Grozny
saidova.ze@yandex.ru

In the article the analysis of the forms of moods in the Chechen and Russian languages is carried out in the comparative aspect. The brief description of the formation and functioning of the studied category in the compared languages is given. The basic means and constructions used in statements with the semantics of possibility in Russian are singled out, the examples expressing the similar meanings are analyzed, and the issues of functioning of various forms of moods in the Chechen language are considered.

Key words and phrases: mood; modality; semantics of conjecture; meaning of possibility; semantics; modal verbs; grammatical categories; functional grammar; the Chechen language.

УДК 808.51

В данной статье рассматриваются различные подходы к определению дискурса, его видов и функций, исследуются понятия «речевое воздействие» и «суггестивное воздействие», конкретизируется роль данного вида воздействия в рамках юридического дискурса. Выявляются суггестивные стратегии и тактики, используемые англоязычными прокурорами в ситуации судебного заседания с участием коллегии присяжных на этапе вступительного заявления и способы их реализации. Также предпринята попытка сравнительного анализа использования суггестивных тактик, применяемых на этапе вступительной реплики и заключительной части вступительного слова прокурора.

Ключевые слова и фразы: суггестия; воздействие; дискурс; юридический дискурс; речевые стратегии и тактики; суггестивная стратегия; суггестивная тактика; механизмы воздействия; вступительное заявление.

Сафронова Татьяна Сергеевна
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
easy_way@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ВО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ПРОКУРОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В современной лингвистике особое внимание уделяется изучению институционального проявления дискурса, а также вопросам реализации суггестивного воздействия. Необходимость такого воздействия на суд присяжных является ключевым вопросом в рамках юридического дискурса.

Коммуникативная деятельность в юридической практике во многом зависит от умения оратора (адвоката или прокурора) установить психологический контакт с аудиторией, расположить к себе и склонить на свою сторону, используя определенные приемы и методы вербального и невербального воздействия.

Исследованию данного вопроса посвящено немало работ отечественных и зарубежных специалистов в области теории дискурса (Т. Н. Астафурова, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, М. Л. Макаров), взаимодействия языка и права (Л. С. Бейлинсон, Е. В. Харченко), лингвокультурологии (А. Вежицкая, К. Касьянова, В. А. Маслова), классификации и реализации коммуникативных стратегий и тактик (Т. В. Дубровская, О. С. Иссерс, А. В. Мальцева, Э. У. Саидгасанова) и речевого воздействия (Г. А. Брутян, О. С. Иссерс, Л. А. Нефёдова, Е. В. Шелестюк).

На сегодняшний день изучен ряд вопросов, связанных с понятием дискурса, в том числе и юридического, описаны речевые стратегии и тактики адвокатов и прокуроров, классифицированы способы языкового воздействия. Однако наблюдается нехватка работ, связанных с детальным рассмотрением механизмов суггестивного воздействия в юридическом дискурсе на каждом этапе судебного процесса.

Структура проведения судебного заседания с участием коллегии присяжных подразумевает следующие этапы для каждой стороны: вступительное слово, прения сторон и заключительное слово [9].

Целью нашего исследования является выявление основных механизмов реализации суггестивного воздействия в рамках юридического дискурса на примере речей и прокуроров.

В данной статье предпринята попытка описания комплекса эффективных механизмов суггестивного воздействия, используемых во вступительном слове. Объектом исследования послужили вступительные заявления прокуроров на английском языке.

В настоящее время понятие дискурса является объектом целого ряда трактовок и интерпретаций, что подчеркивает его значимость для развития современной научной парадигмы. Такие лингвисты как Т. Н. Астафурова, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин и другие сходятся во мнении, что дискурс – это динамичное и многоплановое явление, представляющее собой комплекс элементов (текст речи, участники общения, коммуникативная ситуация и т.д.), рассматриваемых в совокупности как единое целое [11].

Введенный сравнительно недавно, в 1960-х гг. прошлого века, термин «дискурс» близок по смыслу с понятием «текст», однако зачастую рассматривается как более динамичное и широкое понятие. Так, например, Н. Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [2, с. 136]. Е. С. Кубрякова [15] и О. В. Александрова [1] трактуют дискурс как когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст видится им как конечный результат процесса речевой деятельности, имеющий определенную законченную (и зафиксированную) форму.

Иногда дискурс рассматривается с точки зрения наличия одновременно динамического характера (процесс языковой деятельности в социальном контексте) и его статического выражения (текст), что, на наш взгляд, является максимально полным пониманием.

Юридический дискурс представляет собой вид институционального дискурса, т.е. дискурса, связанного с определенной социальной сферой коммуникации, в частности, со сферой права.

Любой дискурс является воздействующим в той или иной степени [24]. В связи с этим, неотъемлемым становится понятие «речевое воздействие», необходимое прокурору для достижения конкретной цели – убеждения суда присяжных в своей позиции.

Речевое воздействие – это вид вербального общения, рассматриваемый в аспекте его целенаправленности. Конечной целью речевого воздействия является определенная организация деятельности реципиента. С нашей точки зрения речевое воздействие может быть определено как вербальное общение с целью корректировки картины мира и/или управления поведением объекта со стороны субъекта [16].

Наряду с понятием «речевое воздействие» зачастую используется понятие «суггестия» (от лат. *suggestio* – внушение), которое определяется как «процесс воздействия на психику человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии внушаемого содержания». Суть внушения состоит в воздействии на чувства человека, а не на его волю и разум [17, с. 56].

Коммуникативная ситуация в рамках судебного заседания предусматривает наличие определённого коммуникативного конфликта между участниками процесса, которые выступают в роли профессиональных оппонентов, имеющих равный статус перед судом. Их целью является доказательство своей правоты, основанное на убеждении и аргументации. Реализация речевого воздействия с целью убеждения в своей правоте подразумевает использование определенных коммуникативных стратегий и тактик.

О. С. Иссерс определяет «речевые стратегии» как «специфические способы речевого поведения, осуществляемые под контролем “глобального намерения”». Основной целью общения в данном случае рассматривается коррекция модели мира адресата». В большинстве случаев существует несколько способов достичь цели, что требует привлечения понятия тактики [10].

Е. П. Черногрудова пишет, что «коммуникативная тактика, в противовес стратегии, как общей канве коммуникативного поведения, рассматривается как совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [26, с. 28]. По мнению Г. А. Копниной, «речевая тактика – такое речевое действие, которое соответствует определенному этапу в реализации той или иной стратегии...» [14, с. 82].

Вслед за О. С. Иссерс, мы рассматриваем речевую тактику как одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии [20].

Ввиду того, что максимально эффективное воздействие на человека возможно при отсутствии критической оценки получаемой информации, предлагаем введение понятий «суггестивная стратегия» и «суггестивная тактика».

Суггестивная стратегия в нашем понимании – это стратегия речевого воздействия, направленная на побуждение суггерента (объекта воздействия) к реализации практических установок, необходимых суггестору (субъекту воздействия).

Суггестивной тактикой в таком случае будет выступать определенный набор вербальных и невербальных средств, необходимых для создания определенного эмоционального фона суггерента, на котором впоследствии будет строиться реализация установки.

Суггестивные стратегии и тактики направлены на создание такого эмоционально-логического фона в сознании объекта воздействия, который обеспечивает непосредственное восприятие установок подсознанием без критической оценки, т.е. априори. Получаемая установка рассматривается человеком как данность или своего рода неоспоримый факт, реализация которого необходима в его личных интересах. В данном случае цель дискурса в той или иной сфере реализуется с точки зрения манипуляции сознанием и подсознанием слушающего, а выбор используемых для этого средств обусловлен конкретными условиями: типом дискурса (в нашем случае это юридический дискурс), ситуацией общения (суд с участием коллегии присяжных заседателей), степенью суггестабильности (внушаемости) объектов воздействия (возраст, социальное положение, степень образованности, уровень развития критического мышления и т.д.), языковой личностью говорящего (внешний вид, опыт работы, уровень владения языком, картина мира и т.д.).

Исследуемые в нашей работе механизмы суггестивного воздействия подразумевают также описание понятия «механизм воздействия». Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой определяет механизм

как «совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо... явление» [8, с. 62]. В Словаре С. И. Ожегова механизм – это «система, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности» [22, с. 148].

В нашей работе мы рассматриваем механизмы воздействия как совокупность процессов, определяющих устройство речевой деятельности суггестора. Интерес представляет система методов и способов воздействия в рамках той или иной суггестивной стратегии и/или тактики.

В ходе проведения анализа нами были отобраны 20 речей знаменитых современных англоязычных прокуроров по следующим критериям:

- актуальность – были использованы речи, датированные 1995-2015 гг.;
- известность: рассматривались только дела, получившие огласку и/или большой общественный резонанс;
- личность оратора: прокуроры, получившие известность; имеющие опыт работы в данной сфере от 3-х и более лет; являющиеся яркими и харизматичными личностями.

Целью вступительной речи прокурора является предоставление общей информации по делу. Во вступительном слове прокурором даются характеристика общественной опасности совершенного преступления, оценка причиненного социального ущерба со ссылкой на конкретные обстоятельства дела, которое рассматривается.

Ввиду того, что для реализации внушения говорящему необходимо создать определенный суггестивный фон – совокупность оттенков отношения к рассматриваемому судебному делу, к личности подсудимого и к личности ораторов, – мы выделяем стратегию создания определенного «фона» восприятия: эмоционально-положительного, эмоционально-нейтрального, эмоционально-отрицательного, нейтрально-положительного, нейтрально-отрицательного. Создание «суггестивного фона» требуется в самом начале судебного заседания, т.е. на этапе вступительного заявления, что позволяет создать «почву» для зарождения идеи виновности или невиновности подсудимого.

Так, в рамках вступительного слова в англоязычном юридическом дискурсе прокуроры зачастую используют стратегию создания эмоционально-отрицательного или нейтрально-отрицательного фона с целью реализации дальнейшего внушения информации о виновности подсудимого.

Эта стратегия реализуется на этапах вступительной реплики и заключительной части вступительного слова прокурора с последующим обращением к суду и коллегии присяжных о вынесении соответствующего приговора.

Рассмотрим суггестивные тактики прокуроров, используемые во вступительном слове на каждом этапе.

Вступительная реплика является одним из наиболее важных эмоциональных маркеров, поэтому на этом этапе прокуроры используют максимально «жесткие» тактики, т.е. те, которые направлены на создание яркого эмоционального впечатления в подсознании слушателей:

Тактика «маркирования» подсудимого путем присвоения ему заведомого статуса виновного. Например: «[Name] is a killer. And the evidence in this case will show you that *the people in this world who think they know him best know him the least*» [36]. / «[Имя] – убийца. И улики в этом деле покажут вам, что *те люди в этом мире, которые считали, что знают его хорошо, ничего не знают о нем*» (здесь и далее перевод автора статьи – С. Т.).

Прокурор начинает свою речь с утверждения о том, что подсудимый – убийца (a killer). Данная лексема имеет крайне негативную коннотацию у всех категорий слушателей. Следующее предложение начинается со слова «the evidence» (свидетельства), что подсознательно воспринимается слушателями как продолжение предыдущего высказывания – свидетельств, как подтверждение того, что этот человек – убийца. Используя антитезу из двух противоположных по смыслу прилагательных «best – the least», прокурор усиливает появившееся после первого утверждения эмоционально-негативное отношение к подсудимому, добавив к нему идею предательства по отношению к близким ему людям (know him best – know him the least).

Тактика привлечения внимания к потерпевшим акцентирует внимание суда и присяжных на масштабах причиненного ущерба. Эта тактика является весьма эффективной в целях создания максимально негативного эмоционального фона. Например: «This is the case of a *young mother of three small children* who, for the rest of her natural life *will be paralyzed* from the neck down because the defendant's tavern sold *too much* beer to an *underage* driver» [Ibidem]. / «Это дело о *молодой матери троих детей*, которая до конца своей жизни будет *парализована от шеи до ног* потому, что в баре, принадлежащем подсудимому, продали *слишком много пива* одному *несовершеннолетнему* водителю».

Описание жертвы и полученных ею травм, а также жестокости, с которой было совершено преступление, является одной из самых распространенных и наиболее эффективных суггестивных тактик в суде. Интенсификация того, что это «молодая мать троих детей» (young mother of three children), вызывает подсознательное чувство жалости к жертве, особенно со стороны присяжных женского пола. Использование медицинского термина «парализованный» в сочетании с масштабом (paralyzed from the neck down) усиливает представление о возможных дальнейших проблемах пострадавшей и, в свою очередь, усугубляет отношение к тому, кто это сделал. Дальнейшее использование усиления (too much beer) в сочетании с определением водителя «несовершеннолетний» (underaged) нацелено на восприятие ситуации как преступной халатности, повлекшей за собой серьезные последствия.

Тактика призыва к сознательности используется прокурорами в целях создания нейтрально-негативного фона в случае, если рассматриваемое дело не является «однозначным». Реализация такой тактики зачастую происходит путем приведения собственного опыта, использования притч, известных историй и т.д. Например: «*This reminds me of my father reading Robinson Crusoe to me when I was a little boy.*

Remember when *Robinson Crusoe* was on the island for such a long time all alone? One morning he went down to the beach and there was a footprint in the sand. Knowing that someone else was on the island, he was so *overcome with emotion*, he fainted. *And why did he faint? Did he see a man? Did he see a foot? No. He saw a footprint that was not his. He saw marks* in the sand, the kind made by another human foot. *He saw circumstantial evidence* that he was not alone. *So let's look at the facts* of this case – for those *tracks that prove the truth*» [33]. / «*Это напоминает мне о моем отце*, который читал мне *Робинзона Крузо*, когда я был маленьким. Помните, когда Робинзон Крузо был на острове долгое время совсем один? Однажды утром он шел по пляжу и увидел след на песке. Зная, что кто-то еще есть на острове, он *был переполнен эмоциями* и упал в обморок. *Почему он упал в обморок? Он видел человека? Он видел ногу? Нет. Он видел след*, который не принадлежал ему. *Он видел знаки* на песке, сделанные ногой другого человека. *Он видел косвенные улики того*, что он не один. *Так давайте смотреть на факты* в данном случае – на *следы, которые подтвердят правду*».

Приведение воспоминаний о родителях и/или близких родственниках имеет большое влияние на подсознание слушателя. Так, говоря о своем отце, прокурор «готовит почву» для внушения дальнейшей идеи, которая за счет авторитета лексемы «отца» будет восприниматься подсознанием как совет и/или руководство к действию. Используя всем известную историю о Робинзоне Крузо, который был «переполнен эмоциями», когда нашел след другого человека на песке, говорящий задает ряд логических вопросов, отвечая на них самостоятельно. Таким образом, этот параманипулятивный прием «готовит слушателей» к реализации дальнейшего внушения.

Градация вопросов «*And why did he faint? Did he see a man? Did he see a foot?*» с последующим отрицательным ответом – «*No*» – наводит слушателей на мысли о чрезмерных эмоциях, испытываемых Робинзоном Крузо на основании полученной неполной информации (прямых свидетельств человека нет).

Синтаксический параллелизм в сочетании с явным логическим рядом («*He saw a footprint*». – «*He saw marks*». – «*He saw circumstantial evidence*») используются как доказательство того, что выводы, полученные на основании неполной информации, косвенны.

Все это усиливает дальнейшую суггестивную установку: «*Let's look at the facts*», – подтверждаемую логической аналогией «*tracks that prove*».

Заключительная часть вступительного слова также является одной из наиболее суггестивно наполненных. Здесь прокуроры используют следующие тактики.

Тактика призыва к проявлению гражданской позиции: «*The bottom line is that the evidence will show that the defendant knew what he was doing when he killed Boyd Farnam. He killed Boyd for revenge – an eye for an eye – because he blamed Boyd for the death of his daughter. The people of this state will therefore ask you at the close of the evidence to find him guilty of murder*» [32]. / «В конце концов, свидетельства покажут, что *подсудимый* знал, что он делал, когда убил Бойда Фарнама. Он убил Бойда из мести – *око за око* – потому что *винил Бойда* в смерти своей дочери. *Люди этого штата*, в свою очередь, *будут просить вас* на основании улик *признать его виновным* в убийстве».

Говоря о той сознательности, с которой было совершено преступление, прокурор дважды повторяет факт убийства (he killed Boyd). Лексема «убил» (killed) сама по себе имеет крайне негативную коннотацию. В сочетании с фразеологическим оборотом «око за око» (an eye for an eye) данная лексема усиливает эмоционально негативное отношение к подсудимому, наделяя его такими качествами как мстительность, агрессивность, хладнокровность и т.д. Таким образом, у присяжных создается желание вершить правосудие над убийцей, т.е. проявить гражданскую позицию осуждения преступника.

Последнее предложение на фоне вышесказанного призывает присяжных к проявлению гражданской позиции – быть солидарными с «людьми этого штата».

Тактика акцентирования внимания на жертве: «...that is the sad true fact that Manuela Silverio lost *her life at the age of 54*, and she left behind *two daughters that she raised all by herself*. She came over here from Cuba, and *she did a job which she loved...* and *she loved that job*, and *now she's dead*» [33]. / «...это печальный факт, но Мануэла Сильверлио *лишилась жизни в возрасте 54 лет*, оставив *двух дочерей, которых воспитала одна*. Она переехала сюда с Кубы и *занималась любимым делом...* и *она любила эту работу*. И *теперь она мертва*».

Перечисление достоинств и заслуг жертвы в сочетании с фактом его/ее неспособности на настоящий момент вести прежнюю добропорядочную жизнь является также одной из наиболее эффективных тактик, применяемых для внушения идеи виновности подсудимого.

Подчеркнутая информация о том, что у жертвы «двое дочерей, которых она воспитала одна», вызывает уважение и жалость к погибшей. Выдерживание паузы между двумя одинаковыми по смыслу предложениями подводит слушателей к кульминации высказывания – «*now she is dead*» (теперь она мертва), – которая оставляет яркий эмоциональный отпечаток на подсознании присяжных.

Тактика постановки риторического вопроса с последующим ответом на него: «*Why is she dead? Because this defendant just wanted to kill somebody!*» [28]. / «Почему он мертв? Потому что подсудимый просто хотел убить кого-нибудь!».

Данная тактика зачастую применяется в последних предложениях вступительного заявления прокурора и подразделяется на риторический вопрос с последующим ответом и риторический вопрос без ответа (например: «*What can justify this murder?*» [36]. / «Что может оправдать это убийство?»).

На основании проведенного исследования можно прийти к выводу, что рассматриваемый нами юридический дискурс является институциональным, так как для него характерна коммуникация между отдельными гражданами и представителями социального юридического института, происходящая в рамках одного института, зала суда.

Вступительная речь прокурора характеризуется суггестивной направленностью на создание эмоционально-негативного фона, в связи с чем нами были введены понятия «суггестивная стратегия» и «суггестивная тактика». Под «суггестивной стратегией» мы понимаем стратегию построения речи, нацеленную на побуждение суггерента к реализации практических установок, необходимых суггестору. Суггестивной стратегией во вступительной речи прокурора является создание определенного эмоционального фона, необходимого для реализации дальнейшего внушения.

«Суггестивная тактика» в нашем понимании – это совокупность приемов, используемых для реализации суггестивной стратегии.

Во вступительной реплике прокурора нами были выявлены следующие суггестивные тактики: призыв к проявлению сознательности и дискредитация подсудимого путем маркирования его самого или его действий.

В заключительной части вступительного слова чаще всего используются тактика призыва к проявлению гражданской позиции, тактика акцентирования внимания на пострадавшем(ей) и тактика постановки риторических вопросов.

Реализация выявленных тактик происходит за счет использования негативной коннотации некоторых лексем, медицинских терминов, приведения воспоминаний о близких родственниках и/или известных историй, фразеологических оборотов, градации, риторических вопросов и активного применения стилистических приемов (метафора, антитеза, гипербола и т.д.).

Список источников

1. **Александрова О. В.** Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка. М.: Высшая школа, 1984. 212 с.
2. **Арутюнова Н. Д.** Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
3. **Астафурова Т. Н.** Стратегии коммуникативного поведения в профессионально значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): дисс. ... д. пед. н. М., 1997. 324 с.
4. **Бейлинсон Л. С.** Функции институционального дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического ун-та. Серия «Филология». Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2009. № 3. С. 142-147.
5. **Брутян Л. Г.** Анализ языковых выражений импликации: автореф. дисс. ... д. филол. н. Ереван, 1992. 40 с.
6. **Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
7. **Дубровская Т. В.** Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дисс. ... д. филол. н. Саратов, 2010. 40 с.
8. **Ефремова Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 589 с.
9. **Ивакина Н. Н.** Профессиональная речь юриста. М.: Норма, 2008. 448 с.
10. **Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1999. 285 с.
11. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 480 с.
12. **Касьянова К.** О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 367 с.
13. **Кашкин В. Б.** Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. 175 с.
14. **Копнина Г. А.** Речевое манипулирование. М.: Флинта; Наука, 2007. 176 с.
15. **Кубрякова Е. С.** Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. М.: Издательство МГУ, 1997. С. 15-26.
16. **Леонтьев А. А.** Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
17. **Липецкий М. Л.** Внушение и мы. М.: Знание, 1983. 94 с.
18. **Макаров М. Л.** Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
19. **Мальцева В. А.** Общение как воздействие и диалог // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: ЧТУ, 2007. Вып. 15. С. 79-87.
20. **Маслова В. А.** Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Просвещение, 2001. 208 с.
21. **Нефедова Л. А.** Лексические средства манипулятивного воздействия в повседневном общении: на материале современного немецкого языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1997. 16 с.
22. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. 917 с.
23. **Саидгасанова Э. У.** Языковые средства выражения коммуникативных стратегий и тактик в текстах организационно-правовых документов добровольческого объединения [Электронный ресурс]. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/2db/Saidgasanova%20E._74-79.pdf (дата обращения: 15.05.2016).
24. **Тарасов Е. Ф.** Производство речи: большая программа // Язык. Сознание. Культура: сб. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. Калуга: Эйдос, 2005. С. 32-42.
25. **Харченко Е. В.** Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: ЮУрГУ, 2003. 336 с.
26. **Черногрудова Е. П.** Основы речевой коммуникации. М.: Экзамен, 2008. 126 с.
27. **Шелестюк Е. В.** Речевое воздействие: онтология и методология исследования: автореф. дисс. ... д. филол. н. Челябинск, 2009. 42 с.
28. **Butler vs. Lubbock** [Электронный ресурс]: transcript of proceedings. URL: <https://fas.org/butler/sentence.html> (дата обращения: 13.05.2016).
29. **Dror Haim Goldberg vs. The State of Texas. No. 01-00-00628-CR** [Электронный ресурс]: transcript of proceedings. URL: https://scholar.google.com/scholar_case?case=1499367486145903308&q=95+S.W.3d+345&hl=en&as_sdt=2002 (дата обращения: 13.05.2016).
30. **Edmondson W.** Discourse: A Model for Analysis. L.: Sage, 1981. 489 p.
31. **Probert W.** Law, Language and Communication. Springfield: Thomas, 1972. 376 p.
32. **Tanford A. J.** The Trial Process: Law, Tactics and Ethics. 4th edition. N. Y.: LexisNexis, 2009. 445 p.
33. **The people of the state of California vs. Robert Mark Edwards** [Электронный ресурс]. California: S073316. URL: <http://www.courts.ca.gov/documents/2-s073316-resp-brief-022808.pdf> (дата обращения: 13.05.2016).

34. **The people vs. Carlos Anthony Hawthorne** [Электронный ресурс]. California: S064769 – Los Angeles No. BA137272. URL: <http://scocal.stanford.edu/search/node/S064769> (дата обращения: 14.05.2016).
35. **U.S. vs. Leonard Peltier** [Электронный ресурс] / International Leonard Peltier Defense Committee. District of North Dakota CR NO. C77–3003. URL: <http://www.whoisleonardpeltier.info/LEGAL/OPENING.htm> (дата обращения: 13.05.2016).
36. **U.S. vs. Susan B. Anthony on the Charge of Illegal Voting** [Электронный ресурс]: transcript of proceedings. URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/anthony/trialrecord.html> (дата обращения: 13.05.2016).

SPECIFICITY OF SUGGESTIVE INFLUENCE IN PROSECUTOR'S OPENING STATEMENT (BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Safronova Tat'yana Sergeevna
Kuban State University, Krasnodar
easy_way@mail.ru

The article examines different approaches to defining discourse, its types and functions, analyzes the notions “speech influence” and “suggestive influence”, and establishes the role of such influence within juridical discourse. The author identifies suggestive strategies and tactics used by English-speaking prosecutors during the opening statement in court with the participation of jury and ways to realize them. The paper also provides comparative analysis of suggestive tactics used by the prosecutor in the preamble and postamble of his opening statement.

Key words and phrases: suggestion; influence; discourse; juridical discourse; speech strategies and tactics; suggestive strategy; suggestive tactics; mechanisms of influence; opening statement.

УДК 811.133.1:81'37

В статье анализируются особенности функционирования англицизмов во французских средствах массовой информации, устанавливается их прагматический потенциал. Исходя из типологической общности языковых явлений, берущих свое системное начало в английском языке, авторы используют термин «англо-американизм» для обозначения заимствований, относящихся к американской культуре. Отмечается, что одним из важных факторов экспансии англицизмов во французской публицистике является бурное развитие информационных технологий, повлекшее за собой возникновение и интернационализацию большого количества англоязычных терминов-неологизмов.

Ключевые слова и фразы: заимствования; англицизмы; англо-американизмы; прагматическая функция; газетно-публицистический стиль.

Сокурова Саида Нурбиевна, к. филол. н., доцент
Тазаян Сирануш Вагаршаковна
Адыгейский государственный университет, г. Майкоп
saidahut64@mail.ru; sirka.93@list.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ

Особое место в языке французских СМИ занимают англоязычные заимствования, особенно ярко отражающие политические и социально-экономические преобразования в современном обществе. Ярко выраженная тенденция проникновения англоязычной лексики во все пласты словаря современного французского языка, необходимость изучения особенностей функционирования заимствованной лексики и установления функций заимствований с учетом собственно языковых, социальных и культурных факторов определяют актуальность настоящего исследования.

Предметом нашего исследования выступают лингвостилистические особенности англицизмов в медийном дискурсе. Материалом работы послужили тексты французской периодической печати и интернета.

Заимствования, относящиеся к американской лингвокультуре, мы определяем термином «англо-американизмы», не отказываясь в то же время от термина «англицизмы» для обозначения языковых явлений, берущих свое системное начало в английском языке.

СМИ особенно быстро реагируют на изменения в общественной жизни и языке, что объясняет «неологический бум» последних десятилетий во Франции. Использование новых лексических единиц в медийном дискурсе способствует их распространению и проникновению в другие дискурсы и приобретению ими статуса узуальных. Реклама, деловое общение, наука, техника, электроника, спорт, экономика, медицина, политика и мода являются источниками пополнения французского словаря [2, с. 16].

Несмотря на отношение французов к своему языку как к национальному достоянию, во французском языке не менее 12% слов являются англицизмами, и их число ежедневно увеличивается. Анализ новостных лент изданий прессы позволил выявить, что свыше 30% из них оформлены с использованием англо-американизмов: *Comme chaque année, puremedias.com s'est plongé dans les chiffres pour dénicher les 20 films qui ont le plus déçu au box-office français cette année* [8]. / Как и каждый год, новостной портал puremedias.com начал усиленно изучать данные, чтобы выявить двадцать наименее кассовых фильмов (здесь и далее перевод авторов статьи – С. С., С. Т.);